

Еще несколько лет назад ведущие футурологи мира предполагали, что примерно к середине XXI века будет сотворен искусственный разум. К тридцатым годам нынешнего столетия прогнозировалась возможность расширения человеческого сознания и интеллекта при помощи нейроинтерфейсов, облачных технологий и имплантируемых в тело чипов – сначала электронных, а позднее и оптовычислительных.

Оба этих фактора и ряд других, вроде интенсивного применения медицинских и промышленных нанороботов, должны были привести к очень резкому ускорению технологического прогресса. Причем, к такому ускорению, которое нельзя будет реально предугадать.

Пару лет назад никто из экспертов, занимающихся научным прогнозированием будущего, и представить себе не мог, что окружающий наш мир в одночасье превратится в нечто очень хрупкое, хотя если говорить начистоту, то он таким являлся всегда. Сейчас, набирая этот текст, я сижу и смотрю в экран компьютера, соединенного с миллионами других в единую сеть по всему миру, и размышляю о том, что если на всей планете внезапно отключить электричество, уже через два года наступит палеолит и хорошо, если верхний.

Несколько лет назад на форуме «Россия в XXI веке: глобальные вызовы» мною была высказана мысль, что сейчас развитие технологий далеко обогнало вперед любые попытки гуманитарной мысли предсказать последствия их развития. Это, в свою очередь, приводит к серьезнейшему стрессу, который можно наблюдать, когда общество сталкивается с очередным проявлением хаоса и неопределенности.

Современная система образования достаточно успешно справляется с подготовкой специалистов для прошлого, поэтому каждый третий таксист в России имеет юридическое либо экономическое образование. Однако технологиям работы с будущим в наших школах и университетах не учат. Не учат этому и на всевозможных бизнес-тренингах и курсах личностного роста. Может быть потому, что будущее всегда оказывается не таким, каким его себе представляют люди, включая даже футурологов, чьей профессией как раз и является прогнозирование грядущего.

Поэтому несколько лет назад нами, а именно творческой группой сотрудников разных вузов города Ставрополя, был задуман арт-педагогический проект для работы с тотальной неопределенностью будущего, который мы назвали «Театром экспериментальной казатрамы (казачьей драмы)». Ставрополье – казачий край, поэтому мы решили добавить в проект немного регионального казачьего колорита. В основе казатрамы лежит спектакль-тренинг, построенный на методах «театра спонтанности» Я.Л. Морено с элементами психо- и социодрамы, в котором зрители являются непосредственными участниками действия. Казатрама начинается как театральная инсценировка всем известного литературного или исторического сюжета, участникам предлагается поставить себя на место известного персонажа, вжиться в роль и донести до аудитории свою позицию. В определенный момент режиссер вводит в игру новых персонажей классической литературы, фольклора, масскульта или реальной жизни, создавая на сцене «момент сингулярности» – тотальной неопределенности, разрушающей привычную сюжетную линию, тем самым вынуждая участников игры отбросить навязанные им извне игровые модели и самостоятельно принимать решения в ситуации, которая меняется буквально ежесекундно. Основная цель экспериментального театра казатрамы – создание того, что эссеист и писатель Нассим Талеб именует «антихрупкостью», т.е. способностью к извлечению выгоды из неудач, потерь, ошибок; умение закаляться, развиваться и становиться сильнее при столкновении с хаосом. Меняя в каждой из сюжетных линий персонажей, режиссер спектакля создает, как сказал бы Хорхе Луис Борхес, «сад расходящихся тропок», множественность путей выхода из сложившейся ситуации, поиск и выбор наилучшего. В «момент сингулярности» каждый из участников начинает играть самого себя, пробуя различные модели взаимодействия с социумом и хаосом.

Погружая индивида в ситуацию деструктурированной пространственно-временной неопределенности, создавая на сцене «момент сингулярности», смешивая и деконструируя нарративы доминирующих дискурсов, репрезентаций и хабиитуализированных практик, достигается эффект сначала игрового, а потом и реального его отказа от ригидных инкорпорированных моделей поведения. Прогрессирующая в процессе проведения спектакля-тренинга деритуализация его сценической рамки, декомпозиция вероятностного поведенческого репертуара вынуждает индивида микшировать интернализированные конструкты и

репрезентации, самостоятельно принимать решения в ситуации, постоянного добавления в сценическую ткань дезориентирующих смыслов, встраиваться в темп перманентного изменения условий групповой динамики. Игровая и постигровая рефлексия предуготовляет индивида к адекватному активному, а не реактивному восприятию современного VUCA-мира (Volatility, uncertainty, complexity and ambiguity).

На настоящий момент мною проведено несколько десятков спектаклей на различных площадках города, в том числе и в версии радиоспектакля на «Серебряном дожде – Ставрополь».